

УДК 94(4)

МЕТАМОРФОЗЫ КОНСЕРВАТИЗМА НА ИСХОДЕ XX ВЕКА

С. О. Казаков

METAMORPHOSIS OF CONSERVATISM AT THE END OF THE 20TH CENTURY

S. O. Kazakov

В статье представлена концепция интегрального консерватизма, охватывающая духовное наследие немецкого мыслителя Эрнста Юнгера (1895 – 1998) в заключительный период его творчества. Проводится анализ влияния его идей на европейский консерватизм, рассматривается их взаимосвязь с идейно-политической теорией и практикой различных течений всего консервативного политического спектра в последней трети XX века. В результате делается вывод о наличии в заключительный период творчества Э. Юнгера особого синтеза, дающего основание считать его консерватизм интегральным, то есть включающим в себя все типы консервативной идейно-политической традиции, а также говорится о серьезном влиянии идей писателя на весь консервативный лагерь без исключения. Результаты статьи могут быть использованы для дальнейшего анализа характера изменений, происходящих в современном западном консерватизме.

The paper introduces the concept of integral conservatism, covering the spiritual heritage of the German philosopher Ernst Jünger (1895 – 1998) in the final period of his work. The author analyzes the impact of his ideas on the European conservatism and considers their relation to the ideological and political theory and practice throughout the whole political spectrum in the last third of the 20th century. As a result, the paper concludes that the final period of Ernst Jünger's work is characterized by special synthesis, giving reason to believe his conservative to be integral, that is, including all types of conservative ideological and political tradition, as well as to talk about the serious influence of the writer's ideas on the entire conservative camp without exception. The research results can be used for further analysis of the nature of the changes taking place in the modern Western conservatism.

Ключевые слова: консерватизм, «Новые правые», консервативная волна, неоконсерватизм.

Keywords: Conservatism, «New Right», «Right wing radicalism», Conservative wave, neoconservatism.

Последняя треть XX в. стала чрезвычайно важным этапом трансформации консерватизма как одной из ключевых идейно-политических традиций Запада. После длительного периода послевоенного консенсуса различия между консервативным, либеральным и социал-демократическим политическими направлениями в значительной степени нивелировались, установки каждого из них находились в тесной взаимосвязи. Однако это не означает, что идейные искания прекратились, а в политике стали преобладать простые подходы к решению ключевых проблем современности. Напротив относительный «штиль» после Второй мировой войны до начала 70-х гг. XX в., в конце концов, породил новые вызовы. И поиск ответов на них лежал том числе и на пути консервативного транзита, изменений в консервативном лагере.

Одним из самых ярких примеров консервативной метаморфозы в рассматриваемый в данной статье отрезок исторического времени является духовное наследие выдающегося немецкого мыслителя и писателя Эрнста Юнгера (1895 – 1998). Он начинал как праворадикальный пропагандист и публицист в годы Веймарской республики и изменил свои взгляды на значительно более умеренные в ходе нацистской диктатуры и «германской катастрофы», стал прижизненным «классиком» немецкой литературы в 50 – 60-е гг. XX в. В то же время писатель был объектом для критики как для левых интеллектуалов, видевших в нем по-прежнему радикального противника республики, так и единомышленников «справа», обвинявших его в конъюнктурности и стремлении «пристать к тихому берегу» [19, s. 435] после Второй мировой войны. Все

это свидетельствовало о глубине и широте духовных исканий мыслителя, значительности перемен, которые коснулись его воззрений.

Несомненно, многое из вышеперечисленного повлияло на то, что в заключительный период своего творчества Юнгер, на наш взгляд, вышел на уровень интегрального консерватизма, который, с одной стороны, отражал опыт исканий и решений западного консерватизма в конце XX в., а с другой стороны, демонстрировал влияние, которое юнгеровское творчество оказывало на весь спектр европейского консервативного лагеря. Именно его специфика и представляется важной для анализа в данной статье.

Творческая эволюция Э. Юнгера в 70-е гг. XX в. после вроде бы устоявшегося писательского реноме оказалась не совсем простой. Не последнюю роль в этом сыграли как личные впечатления, так и общественные события. Широкомасштабный кризис на Западе не мог не коснуться писателя. Террористические вылазки левых радикалов в Италии и Германии вызвали очевидную реакцию справа. Европейские «новые правые» приняли вызов и, конечно же, Эрнст Юнгер, был для них не последним источником вдохновения. В литературных произведениях этого десятилетия писатель предлагает различные рецепты преодоления кризиса, от традиционалистского до праворадикального. Немецкий философ и теолог Петер Козловски считал, что Юнгер в своем небольшом произведении «Рогатка» (1973) возвращается к традиции в ее нижнесаксонском укладе через педагогическую модель описанной им гимназии и интерната [15, s. 144]. Традиционализм повести наталкивает иссле-

дователя на мысль о том, что именно это явление становится для Э. Юнгера альтернативой общественному коллапсу в Европе. Однако последующий роман писателя «Эвмесвиль» (1977) позволяет усомниться в однозначности такого подхода. Роман с учетом выбора его главного героя представляется более интересным в свете происшедших событий, поскольку в нем отражается квинтэссенция юнгеровского видения, захватывающего исторический и метаисторический пласт его консервативных размышлений. Берлинский ученый Стеффен Мартус ссылается на позицию, в соответствии с которой Юнгер в романе стремится показать различие между собственным сопротивлением современности и тем, что демонстрировали террористы в 70-е гг. XX в. [16, s. 212].

«Эвмесвиль» в какой-то степени является исходной точкой в пессимистическом витке творчества Юнгера, набирающим свой ход именно в 70-е гг. XX в. Эвмесвиль – несуществующий город-государство будущего в Северной Африке, в котором установлена тирания. Рассказчик, Мануэль Венатор, потомственный профессиональный историк, является еще и барменом в ночном клубе тирана Кондора, которого он предпочитает поклонникам демократии – трибунам, поскольку в нем он видит «тип хорошего отца семейства», «мелкого немецкого князька эпохи барокко» [1, с. 268]. В описании города легко угадываются традиционалистские и праворадикальные черты консервативной критики современной цивилизации. Она характеризуется тем, что «ценности продолжали мельчать» [1, с. 37], «различия, в большей мере, исчезли» [1, с. 95]. По сути, Юнгер описывает современное ему «общество потребления» и «государство всеобщего благоденствия»: «Современный человек... числится как избирательный голос, как налогоплательщик и получатель заработной платы, как особый вид, влачащий жалкое существование в реестрах всевозможных канцелярий и министерств» [1, с. 238 – 239]. В связи с этим в произведении выводится оптимальный тип личности в представленных условиях – анарх, которому пытается соответствовать не только главный герой, но и сам автор. «Анарх не имеет ожиданий. Он ни на кого, кроме себя, не рассчитывает» [1, с. 223]. Ключевым атрибутом анарха является его личная свобода (отличающаяся от либерального понимания): «...он сохраняет свою свободу, какой бы хорошей или плохой не была власть... Она остается его неделимой собственностью» [1, с. 368 – 369]. И эта свобода не связана со стремлением смены политического режима, напротив, «простейший шаг к свободе – скинуть с себя этот груз» [1, с. 457]. В конце концов, главный герой романа в экстремистском стиле покидает город и вместе со свитой тирана пропадает в лесу.

Судя по разнообразной реакции на роман «Эвмесвиль», от признания дистанции автора по отношению к терроризму, критики за отстраненность и элитарную холодность [23, s. 29 – 31] до обвинений в создании «практического руководства для радикальных правых о том, как скрыть свое антидемократическое мышление и как вести себя в политически враждебной среде», «агрессивной критике демократии» [22, s. 356 –

357] можно утверждать, что юнгеровское видение кризиса интегрировало в себе различные способы и манеры восприятия и реакции на происходящее – от праворадикального и традиционалистского до либерально-консервативного.

Между тем, личное неучастие в политическом процессе ФРГ не избавляло писателя от вторжения политики в его жизнь, особенно когда речь шла о литературных и интеллектуальных заслугах. Он, по-прежнему является дискуссионной фигурой, «тень Веймара» не дает ему выйти за рамки образа, сложившегося у «левых» и либеральных интеллектуалов. Получение премии Гете в 1982 г. сопровождалось сопротивлением со стороны партии «зеленых», чьи представители в городском собрании Франкфурта-на-Майне выступили резко против, спровоцировав общественную дискуссию о возможности вручения премии «попутчику фашизма и с головы до ног носителю национал-социализма» [16, s. 175].

Безусловно, кризис 70-х гг. XX в. серьезно повлиял на Юнгера, усилив пессимистический тренд в его творчестве, а левoliberalные критические оценки могли лишь усугубить его. Неслучайно, совершенно иным в это время было представление о философе у «новых правых», по мнению некоторых исследователей, воспринявших его концепт сопротивления в отношении постмодернизма [16, s. 213] и для которых он был культовой фигурой.

Армин Молер, бывший секретарь мыслителя и автор работ о нем, ставший к этому времени влиятельным радикальным консервативным публицистом, по-прежнему являлся активным пропагандистом раннего творчества Юнгера, посвятив ему ряд публикаций и рассуждений в своих работах [17; 18]. В статье «Фашистский стиль» он отделяет Юнгера от нацизма, видя в его творчестве духовную позицию, отражающую «новый аристократизм» [18, s. 178]. Редактор коллективного сборника «Международный консерватизм» (1973), Герд-Клаус Кальтенбруннер во вступительной статье говорит о Э. Юнгере как о «пионере такого углубленного консервативного подхода, о необходимости которого говорится уже в «органической конструкции» [14, s. 11] (*Прим. автора: понятие, использованное в произведении «Рабочий» 1932 г.*). Но Кальтенбруннер в отличие от многих «новых правых» не ограничивается восхищением по поводу ранних работ, находя и в произведениях после Второй мировой подтверждение того, что Юнгер говорит о «правой позиции человека» как о позиции особого отношения к универсуму, что «куда важнее простого наращивания знаний» [14, s. 11], и о специфике консервативной критики [13, s. 94], что лишний раз свидетельствует в пользу метаконсервативного стиля философа.

Важнейшее значение наследие философа имело в эти годы и для «новой правой» во Франции. Консервативное творчество Эрнста Юнгера и его брата Фридриха Георга вошло в теоретическую основу этого течения [4, s. 198]. Во Франции ее «новые правые» видят результат воплощения «буржуазного идеала просветительского рационализма», тогда как Германия предстает как «образец органически созданной

общности с аристократическими ценностями» [4, s. 200]. Ален де Бенуа, один из лидеров «французской правой», весьма резко говорит о том, что «Немец – это Рабочий, а Француз – это Буржуа» [4, s. 200]. В главе книги Бенуа «При всей дружбе – филиппика к немцам» Юнгер прямо назван одним из авторов, вдохновляющих «новых правых» Франции, в пику Хоркхаймеру и Хабермасу [3, s. 97]. Бенуа в интервью журналу «Шпигель» в 1979 г. причислил Юнгера из-за его основательного экзистенциального отношения к «любимейшим авторам Франции» [5, s. 162]. Позднее, уже после смерти философа, в статье «Эрнст Юнгер и новая правая» он напишет, что хотя «Эрнст Юнгер не принадлежит к авторам, на которых французские правые часто ссылаются, но как видно из вышесказанного, он имеет огромное значение для них» [2, s. 34]. Сам же Бенуа признался, что его восхищение мыслителем и его трудами всегда было сильным: в молодости «первым» Юнгером – двадцатых и тридцатых годов, позднее «вторым» Юнгером – анархом, «мыслителем вне времени», поднявшимся настолько высоко, чтобы настолько же больше видеть» [2, s. 33 – 34]. Бенуа сожалеет о том, что «модные интеллектуалы» вне зависимости от политических пристрастий не часто цитируют Юнгера, и советует поехать в Италию, в которой интеллектуалы всего спектра мнений от левых до правых ссылаются на него [2, s. 34]. В связи с этим следует отметить, что в интервью с одним из видных представителей правых в Италии, Джузеппе Преццолини говорится об интересе к «консервативной революции» и работам Эрнста Юнгера [21, p. 208 – 209]. Сам немецкий писатель упомянул в дневниках собственное письмо с благодарностью за включение его в международный редакционный совет итальянского правоконсервативного издания «Ла Дестра» [10, s. 62] (*Прим. автора: «Правая»*). Все вышперечисленное свидетельствует об интернациональном значении юнгеровского консервативного наследия, широте и глубине его проникновения ткань европейского правого консерватизма.

Следует отметить, что в отличие от диагностической и прогностической вариативности литературных работ, дневники этого времени куда более явно пронизаны нескрываемым, личностно-ценностным и философским неприятием эпохи и пессимизмом в ее отношении. «Мне кажется, – пишет Эрнст Юнгер в 1973 г., – что оптимизм, который я питал в конце Второй мировой войны, уменьшился. Смотрите работы «Мир» и «Через линию» (*Прим. автора: работы 50-х гг.*). И произошло это не только по причине развития, в первую очередь европейского, но и под воздействием фундаментального пессимизма Фридриха Георга» [10, s. 121].

С наступлением «консервативной волны» на Западе и приходом к власти на длительный период в ФРГ Г. Коля и ХДС/ХСС в альянсе с СвДП, дискуссии вокруг творчества Э. Юнгера не прекратились. И они по-прежнему создают вокруг него феномен консервативного парадокса, как будто подчеркивая одновременно условность крайностей и глубину расхождения в основе современного идейно-политического спектра. Юнгер является не только патриархом, мнени-

е о котором определяет идейно-духовную принадлежность, но и тем, кто эти позиции существенно корректирует. Многообразие его творчества все чаще приводит к неоднозначным выводам, как в исследовательской среде, так и в общественной жизни. Поляризация мнений сочетается с консенсусной ролью философа в определенных ситуациях, в какой-то мере отражая динамику, как взглядов Юнгера, так и изменения в реальности. В связи с возросшим вниманием к нему исследователи и публицисты даже вели в публичный и научный оборот дефиницию – «ренессанс Юнгера». Оснований для такого определения в 80 – 90-е гг. XX в. более чем достаточно.

В сентябре 1984 г. Эрнст Юнгер, единственный из писателей Европы, вместе с президентом Франции Ф. Миттераном и канцлером ФРГ Г. Колем, принимает участие в официальной церемонии «Салюта примирения» в Вердене, посвященном юбилею начала Первой мировой войны. Коль еще четырежды посетит мыслителя в Вильфлингене: в 1985 и 1993 гг. вместе с Миттераном, в 1990 г. с премьер-министром Испании Фелипе Гонсалесом и на столетний юбилей в 1995 г. приедет с федеральным президентом Вернером Херцогом. В 1987 г. в Риме международную литературную премию «Тевере» Юнгеру вручал президент Италии Франческо Коссига. Встречи на высшем уровне, внимание со стороны руководителей европейских государств с различными политическими взглядами подтверждают, что писатель становится фигурой, чьи консервативные взгляды приобретает в эти годы максимальную широту.

Не исключено, что Коль пытался интеллектуально и электорально усилить свое политическое реноме за счет писателя. Не следует забывать, что для экстремистско-консервативного фронта ФРГ Юнгер оставался культовой фигурой. Подтверждением тому являются многочисленные публикации, посвященные ему в 80 – 90-е гг. в правоконсервативных журналах “Criticon”, “Junge Freiheit” различными авторами, от Армина Молера до Карлхайнца Вайссмана. Альянс ХДС/ХСС, таким образом, укреплял позиции за счет избирателей этого круга. Однако и сам канцлер, используя свой немалый политический вес, способствовал тому, чтобы Юнгер пережил «ренессанс» в эти годы, делая все, для того, чтобы автор перестал в общественном сознании быть сугубо крайне правым мыслителем, тем более что желающих свести представление о нем до этого минимума было предостаточно. Неслучайно, Коль как «вождь консерватизма у власти в ФРГ» со временем был обвинен в чрезмерном внимании к Эрнсту Юнгеру, «идеологу и носителю традиций немецкого консерватизма», идентификация с которым вела, по мнению автора публикации, к формированию современного консерватизма, как в традиционных, так и модернизированных «неоконсервативных формах», демагогически подменяющего социальные проблемы национальными вопросами [20, s. 134 – 135]. На основании этого либеральные и левые деятели полагали, что вместе с «ренессансом» Юнгера и знаменитым «спором историков» в ФРГ «граница между правым консерватизмом, правым

экстремизмом и неофашизмом все больше размывается» [10, s. 142].

В то же время некоторые «левые» из бывшей ГДР после крушения социализма в поиске «третьего пути» между «западным капитализмом» и «государственным социализмом» увидели в Юнгере «сейсмографа подземных движений в истории и обществе» [7]. После крушения социализма «левые» интеллектуалы и литераторы, такие как Хайнер Мюллер и Франк Касторф, находят духовное родство с «консервативным революционером» Эрнстом Юнгером в обличении цивилизации, вере в «постбуржуазный мир» и в нежелании признать «триумф либерализма» [7].

Как ни странно, некоторые левые порой совпадали с частью радикальных правых в отношении к писателю. По мнению публициста Рихарда Херцингера, Эрнст Юнгер стал «идентификационной фигурой для новых правых и старых левых» благодаря «жесту культурно-критической вариации и плодам в духе удобной метафизики девственности в ответ на вызовы настоящего», синтезировав их в типе «анарха» [6, s. 98 – 99]. При этом публицист считает, что «параллели между «правой» и «левой» критикой цивилизации столь значительны, что проведение демаркации вдоль этой хорошо знакомой, идеологической, разделительной линии представляется затруднительным» [6, s. 110]. С одной стороны, это подтверждает позицию самого Юнгера, не делавшего, по его словам, различия между правыми и левыми, и считавшего это разделение в эпоху техники и массовых коммуникаций «более недействующим» [8, s. 29], за что, как он говорил, «меня, среди прочего, причисляли к национал-социалистам и черному фронту» [9, s. 157], а с другой – является еще одним свидетельством консервативной широты юнгеровского творчества. Эта позиция выражается и в оценках мыслителем основных политических режимов XX века: «На взгляд анарха, – с которым есть прямые ассоциации личности самого автора [11, s. 193], – не существует большой разницы между тоталитаризмом и массовой демократией» [8, s. 115 – 116].

«Моя жена и я – мы лояльные граждане страны, но без восхищения: для нас немецкий рейх остается реальностью. Между нами говоря, мы все же живем сейчас в системе отношений, в которой позволяется все» [9, s. 163], – заявил писатель в интервью журналу «Шпигель» в 1982 г. Писатель напомнил, что он никогда «не приходил в согласие с государственными институтами», и «буржуазный порядок меня никогда не удовлетворял» [9, s. 160]. Продолжение того «неустойчивого равновесия в отношениях с государст-

вом, которое установилось после вручения премии Гете», вполне, по словам мыслителя, его бы устроило [9, s. 160]. Хотя он называет двух политиков, которым симпатизирует в современной Германии, правда, не за идеи и политическую позицию, а как личностям: лидера ХСС того времени – Франца-Йозефа Штрауса и одного из лидеров СДПГ Герберта Рихарда Венера [9, s. 163]. Как истинный консерватор он находит, что «демократия не фиксированное понятие», особенно если иметь ввиду ГДР и Грецию эпохи Перикла, в одной из которых он «был бы демократ, а в другой – антидемократ» [9, s. 159].

В работе «Автор и авторство. Дополнение» постепенно написанной в 80-е и 90-е гг., Юнгер приводит «хорошую» на его взгляд, цитату из Полибия, в которой «демократией по праву» может называться не тот режим, в котором «массы обладают правом делать то, что им нравится» а то государство, в котором, «при условии воли большинства», «устоявшейся привычкой и традицией стало поклонение богам, почитание родителей, уважение к старикам и подчинение законам» [12, s. 312]. Любопытно, что интересную и более понятную презентацию нового и традиционного, техники и культуры, прогресса и традиции для Юнгера являет Япония, в которой индивид после работы приходит и надевает кимоно, тем самым символизируя возможность «ухода в себя» и способность «заново восстановить связь со своими собственными традициями» [8, s. 77].

Подводя итог можно сказать, что в юнгеровском наследии заключительного периода проявилась во всем многообразии консервативная структура мышления. Интегральный консерватизм стимулирует проявление противоречий во взглядах, но и стремится к их сглаживанию, поскольку несет в себе не просто архитектурные свойства консервативного мышления, но и вбирает в себя особенности всех типов консерватизма.

В юнгеровском творчестве последней трети прошлого столетия во многом отражается специфика европейского консерватизма и всей консервативной традиции в XX в. Сложность сохранения ценностей и прерывистость из-за частой смены политических режимов вынуждали мыслить неординарно. Э. Юнгер сумел почерпнуть в каждом из направлений консервативной мысли жизненно стойкие компоненты и трансформировать их в определенную систему взглядов, отразив в ходе транзита своих воззрений черты и принципы всех разновидностей консерватизма.

Литература

1. Юнгер Э. Эвмесвиль [пер. с нем.]. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 640 с.
2. Benoist A. de. Ernst Jünger und die Nouvelle Droite // Sezession-22. Februar, 2008. S. 30 – 34. Режим доступа: <http://www.sezession.de/heftseiten/heft-22-februar-2008> (дата обращения: 12.03.2015).
3. Benoist A. de. Kulturrevolution von rechts: Gramsci und die Nouvelle Droite. Krefeld, SINUS-Verlag, 1985. 156 s.
4. Christadler M. Die “Nouvelle Droite” in Frankreich // Neokonservative und “Neue Rechte”. München, C. H. Beck Verlag, 1983. S. 198 – 206.
5. «Den alten Volksgeist erwecken». Alain de Benoist über die "Verwurzelungst" – Ideologie der französischen Neuen Rechten // Spiegel. Hamburg. 1979. Jg. 33. № 34. S. 157 – 162.

6. Herzinger R. Werden wie alle Jünger? Über die renaissance konservativer Modernerkritik und die postmoderne Sehnsucht nach der organischen Moderne // Kursbuch. Die Zukunft der Moderne. Berlin. Dezember, 1995. S. 93 – 117.
7. Herzinger R. Der komplette Text: Warum Ernst Jüngers Werk bei Linksintellektuellen salonfähig wurde // Die Zeit. 09 / 1998. Режим доступа: <http://www.zeit.de/1998/09/thema.txt.19980219.xml> (дата обращения: 12.03.2015).
8. Jünger E. Die kommenden Titanen. Ernst Jünger mit Antonio Gnoli und Franco Volpi. / Dt. von Peter Weiß. Wien; Leipzig: Karolinger, 2002. 155 s.
9. Jünger E. «Ein Bruderschaftstrinken mit dem Tod». Der 87-jährige Schriftsteller Ernst Jünger über Geschichte, Politik und die Bundesrepublik // Der Spiegel. 1982. № 33. S. 154 – 163.
10. Jünger E. Siebzig verweht II/E. Jünger. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981. 641 s.
11. Jünger E. Siebzig verweht V/E. Jünger. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. 204 s.
12. Jünger E. Autor und Autorschaft. Nachträge // Sämtliche Werke. Zweite Abteilung. Essays IX. Fassungen III. Erster Supplement-Band. Stuttgart: Klett-Cotta, 1999. Bd. 19. S. 267 – 421.
13. Kaltenbrunner G. K. Prospektiver Konservatismus // Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Portrats. Herford, Berlin: Nicolai, 1975. S. 91 – 129.
14. Kaltenbrunner G. K. Vorwort des Herausgebers // Konservatismus International. Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 5 – 11.
15. Koslowski P. Der Mythos der Moderne. Die dichterliche Philosophie Ernst Jüngers. München: Wilhelm Fink Verlag, 1991. 200 s.
16. Martus S. Ernst Jünger. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. 269 s.
17. Mohler A. Von rechts gesehen. Stuttgart; Seewald Verlag, 1974. 343 s.
18. Mohler A. Der faschistische Stil // Konservatismus International / Hrsg. G.- K. Kaltenbrunner. Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. S. 172 – 198.
19. Morat D. Von der Tat zur Gelassenheit. Konservatives Denken bei Martin Heidegger, Ernst Jünger und Friedrich Georg Jünger. Göttingen, Wallstein Verlag. 2007. 592 s.
20. Müller H. “Stählerne Romantik” und Mythos Krieg. Anmerkungen zur Ernst-Jünger-Renaissance im Konservatismus der achtziger Jahre // Die Waffen nieder! Schriftsteller in dem Friedensbewegungen. Berlin, 1989. S. 130 – 142.
21. Prezzolini G. Intervista sulla Destra. A cura di Claudio Quarantotto. Rom. Borchese, 1978. S. 208 – 211.
22. Seferens H. «Leute von übermorgen und von vorgestern». Ernst Jüngers Ikonographie der Gegenauflklärung und die deutsche Rechte nach 1945. Bodenheim, 1998. 398 s.
23. Weilmeier C. Eumeswil. Ernst Jüngers Philosophie der institutionellen Ordnung. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Hochschule für Philosophie Philosophische Fakultät SJ, München. München, 2004. 200 s.

Информация об авторе:

Казаков Сергей Оганович – кандидат исторических наук, руководитель пресс-центра «КП-Прикамье» г. Пермь, teodor730@gmail.ru.

Sergey O. Kazakov – Candidate of History, Head of the Press-centre of «КП-Прикамье», Perm.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.